

Виктор гордо стоял на высшей ступеньке пьедестала почета. Сегодня был его день, его победа!

Справа насупился гимнаст из Германии, слева невозмутимо выпячивал грудь японский спортсмен. Немец неожиданно повернулся и на своем языке отчеканил:

— Это победа только в упражнениях на кольцах. Посмотрим по итогам соревнований.

— Да, посмотрим, — ответил по-немецки Виктор.

Немец от неожиданности растерянно заморгал.

А вокруг гудел и бурлил многоликий стадион. Лица неразличимы, только мелькающие руки и выныривающие из общего гула выкрики: «Браво, руссо!», «Гут гемахт!», «Уэлл дан!». Восторг расплескивался волнами, разбегающимися и вновь соединяющимися в ликующей радости возгласов, которые бежали, вздымаясь в самозабвенной пене восхищения. Порой шквал эмоций затихал, сменяясь гладью затишья, но затем, словно спохватившись, клокотал роковым упоения. И вновь восторг с еще большей энергией вздымал валы нарастающего гомона объединенных в общем порыве болельщиков.

Но Виктор видел сейчас иное море — спокойное, матовое, словно застеленное бар-

хатной синью скатерти. Вдали зеленел, будто не закрытый тканью, узкий ободок земли.

Именно таким он впервые увидел море через прорезь в корпусе баржи. От неожиданности зажмурил глаза, отвыкшие от света. А когда открыл, перед ним в лучах солнца играла живая огромная равнина в легких барашках волн. Сияя на солнце, они несли курчавую пену к горизонту. Все сияло величием и добротой. Солнце окунало лучи в водную гладь, а море, поймав их, улыбалось и искрилось. Глядя на это веселье света, он вдруг подумал: «Ну вот и смерть пришла. Не сбыться мечте, и флаг страны не поднимется в честь моей победы».

Мечта стать гимнастом зародилась у Виктора еще в детстве. В клуб привезли новый фильм, и перед сеансом крутили журнал. Там он впервые и увидел показательные выступления гимнастов. Гибкие и легкие, статные и красивые спортсмены легко и непринужденно взлетали вверх, крутились, демонстрируя сальто, соскоки, пируэты, шпагаты. От восхищения у мальчишки перехватило дыхание. Девушки в черных купальниках были полны изящества и грациозности. Они, как кошки, ловко запрыгивали на узкое бревно и, стоя на цыпочках, будто резиновые, изгибались в немыслимых фигурах. Потом, окутанные змеящейся лентой, порхали, точно бабочки над лугом. Атлеты взлетали на кольцах и показывали в упражнениях потрясающее владение своим телом. Затем, зависнув в воздухе, резко падали, словно ныряли вниз рыбкой, мгновенно взвиваясь от пола в перевороте и победно приземляясь на ноги.

Еще полгода назад Витя был равнодушен к полету гимнастов под куполом цирка. А вот сейчас от восхищения у него перехватывало дыхание.

Возвращаясь из клуба, ребята наперебой обсуждали фильм, а у него перед глазами крутили сальто гимнасты. Задумавшись, он неожиданно воскликнул:

— Как же красиво!

— Чик, да что ты красивого в фильме увидел? — ехидно сузив глаза, спросил Петька, прозванный за задиристость Атаманом.

Растерявшись, Витя промямлил:

— Я про гимнастов, а не про фильм, — и, заикаясь, как часто бывало от волнения, закончил:

— К-которых в журнале п-показывали.

— Видал я журнал. Мура твои гимнасты, — презрительно скрипелся Петька.

— Сам мура.

— Ах так?!

Петька грозно сжал внушительные кулаки. Витя поначалу весь съежился внутри, желая врасти в землю, а на деле выпрямился и, глядя в глаза противнику, тоже демонстративно сжал кулаки. Мальчишки сцепились и, упав на землю, стали, сопя, барахтаться в пыли. Проходившая мимо почтальонша грозно крикнула:

— Вот родителям скажу — ремня хорошего всыпят!

Ребятня бросилась наутек.

Вечером Витя долго не мог заснуть. Выцветшие обои и фотографии дедушки на стене уже скрылись в полумраке. Только падающий из окна на половицы коралловый свет заходящего солнца словно звал куда-то. Волнение не проходило, как будто он увидел чудо, изменившее все вокруг.

Тихо подошла мама.

— Какой-то ты сегодня, сынок, взъерошенный.

Она всегда говорила нараспев и близоруко щурилась, словно извиняясь за свою речь.

— Мама, я сегодня увидел сказку.

— Фильм, говорят, на самом деле чудесный!

— Я про гимнастов. Их в киножурнале показывали.

— Расскажи, Витюша.

И сына уже было не остановить.

Мать, счастливо улыбаясь, подытожила про себя: «Даже ни разу не заикнулся, хоть и волновался. Вот что гимнастика сделала».

На следующий день и на уроке у него в воображении рисовались пируэты и махи гимнастов.

— Чикарин, к доске!

Но Витя не услышал.

— Он в гимнастку влюбился, — ехидно выпалил с последней парты Петька.

Класс взорвался смехом.

Однако после занятий Петька протянул ему руку:

— Мир? Меня все боятся, а ты не из трусливых.

Фильм крутили две недели, и каждый вечер Витя приходил в клуб — детвору пропускали без билетов. Он садился на поскрипывающий дощатый пол и, не отрываясь, смотрел журнал, затем, не дожидаясь фильма, уходил. Но все когда-нибудь заканчивается. Увезли этот и привезли другой фильм. И Виктор вдруг растерялся, будто почва из-под ног ускользнула.

Опустошенный, он лежал в полумраке спальни. Из окна вновь падал свет заходящего солнца, но не радовал зайчиками, а словно поглощался темнотой. Отец, сидя рядышком, покряхтывая, сказал:

— Сынок, мы родились, чтоб сказку сделать былью. Так в песне поется. Все во власти человека. Запомни это. Спи. Завтра поговорим.

Возвращаясь на следующий день из школы, Витя уже издали услышал стук молотка и скрежет металла. Открыв калитку, увидел, что отец из остатков старых труб соорудил турник с перекладиной.

— Это для начала. Попробуй, твое ли это? — широко улыбнулся отец.

— Папка! — расцвел мальчишка.

Сначала попробовал подтянуться на перекладине. Пару раз удалось. Обрадовавшись, попробовал сделать подъем переворотом, как в том киножурнале, но неуклюже упал. Боль пронзила тело. Голова гудела. Пальцы рук были в пыли, он обтер их машинально о штаны.

В окне показалось лицо отца:

— Начало есть. Что-то получилось. Без падений побед не бывает!

Так начались ежедневные упражнения и осваивание турника. Скоро парнишка подтягивался десять раз, легче давался подъем переворотом.

Правда, падения продолжались. Все тело было в ссадинах и синяках. Он даже не мог себе объяснить, почему снова и снова шел к турнику, еще не осознавая, что это становилось внутренней потребностью, состоянием души.

— Сынок, может, хватит? Весь синюшный! — причитала мать.

— Да это только синяки, они не болят, — бодро утешал маму Витя.

— Худоба ты моя! А гимнасты ведь рослые и плечистые, сам говорил.

— И я таким буду. Вот увидишь.

В тот же вечер, засыпая, он услышал через окно разговор родителей во дворе.

— Откуда в нем такое упорство? — слышался удивленный голос матери.

— Это неудержимость мечты. Мне этого не было дано, пусть хоть сын узнает счастье победы.

— Ладно бы так. А если не получится?

— Все получится. Сегодня — мечта, завтра — реальность. Будущее за теми, кто верит в мечту!

Спустя много лет Виктор узнал, что отец в юности мечтал стать геологом и была у него любовь. Но получилось так, что стал учителем и женился на другой. Но тогда этот разговор родителей Витя толком не понял и наутро забыл. Его томила другая неопределенность.

«Нужно узнать, как правильно делать эти упражнения. А так все без толку», — в очередной раз размышлял он, сидя на крыльце.

Открылась калитка и отец позвал:

— Вставай скоренько, пойдем.

— Куда?

— Увидишь.

И вот они вошли в обшитоое щитами здание с большими мутными стеклами. Внутри оказался спортивный зал. Синие стены смотрели на них приветливо, но обшарпанный пол недовольно зашуршал. Виктор испуганно остановился. Пахло краской и пылью. В углу возвышалась груда матов. В середине зала девочки и мальчики в трико, человек десять, переминались с ноги на ногу. У канатов стоял пожилой мужчина, подтянутый и атлетически сложенный. Это был тренер. Звали его Стас Григорьевич. Оказывается, в детской спортивной школе только закончился набор в секцию гимнастики. Отец с мужчиной пошептались.

Витю усадили на скамейку, и тренер сказал:

— Пока посиди и посмотри. После занятий поговорим.

Мальчик приготовился посмотреть на пируэты и сальто. Но тренировка была такой же, как на занятиях по физкультуре в школе. Гимнасты бегали по кругу, занимались со скакалкой и прыгали в длину. Вите стало скучно. Он встал, подошел к брусьям. Их отполированная поверхность блестела и манила. «Это тебе не ржавые трубы во дворе, — подумал он. — На таких снарядах тренироваться в радость».

Между тем занятия продолжались. Мальчики поднимали штангу, девочки у стенки махали ногами. Самая высокая девочка важно показывала остальным, что может поднять ногу почти до уровня плеча. Закончились занятия игрой в баскетбол.

Совсем уже поникший, Витя ерзал на скамейке. Подошел тренер.

— Понравилась тренировка?

Витя неопределенно пожал плечами.

— Не совсем. Бег, прыжки, баскетбол...

— А сальто и пируэтов не увидел? Считаешь, что сразу надо на кольца или брусья? Милый мой, для перехода к специальным упражнениям нужна хорошая физическая подготовка. Это основа любого вида спорта. На наших занятиях были не просто упражнения. Бегом и ходьбой мы развиваем выносливость, прыжками в длину — быстроту, баскетболом — ловкость, силу развивают подтягиванием на перекладине. И только после общей приступаем к специальной подготовке: упражнениям на гимнастической стенке для развития гибкости, прыжкам со скакалкой для выносливости, упражнениям с гириями, гантелями для силовых качеств. К самым гимнастическим упражнениям перейдем не раньше, чем через четыре месяца. А кто не выдержит — не перейдет. Ведь гимнастика — это не только красота. Красота — это результат, а вначале всегда постоянный и изнурительный труд. Только он приведет к победе и совершенству. И то не сразу и не по мановению волшебной палочки, а благодаря упорству. Ты готов идти до конца?

Витя кивнул.

— И имей в виду, что не всегда даже постоянные занятия и выучка могут создать гимнаста. Видишь Веру? — тренер взглядом показал на важничающую девочку. — Так вот из нее не получится гимнастки. Завтра придется об этом сказать ее родителям.

— Но она очень гибкая! Даже может ноги поднять до плеч!

— Основа гимнастики — выворотность ног. Умение по-иному развернуть стопы наружу. Без этого многие гимнастические упражнения невозможны. Одним это дано, а другим — нет, и никакими упражнениями суставы не «развернуть», можно только травмировать. У нее этого нет. Так что не каждый может стать гимнастом. Подумай, у тебя есть время. Если не передумаешь, то завтра жду на тренировку.

На следующий день Витя за полчаса до занятий уже сидел на скамейке.

— Предупреждаю сразу, — осадил пыл новенького тренер, — чтобы стать гимнастом, надо уполовинить свои права и вдвое увеличить обязанности.

— К этому я готов, только бы стать чемпионом, — вздохнул с облегчением Виктор.

Тренер в ответ только улыбнулся:

— Значит, станешь!

Вчера все казалось простым, но после первой тренировки от усталости Витя еле стоял на ногах. А парнишка из той же секции, Максим, оценил его взглядом и назидательно изрек:

— Знай, салага, жизнь гимнаста — это борьба: с махами, остановками, падениями и соблазнами.

И начались тренировки — с выработкой упоров, висов, шпагатов, выкрутов, сальто.

— Упражнения на гимнастических снарядах выполняются силой и махом. Это главное, — повторял тренер.

Но для Вити не только это оказалось главным.

Остановил его самый простой спортивный снаряд — деревянное туловище на четырех металлических ногах.

— Сей снаряд называется спортивным конем. Теперь начнем покорять его, — заявил тренер.

— Точно лошадь, но безголовая, — хохотнул Максим.

Все гимнасты засмеялись. Тренер, улыбнувшись, продолжил:

— Тут все просто. Разбегаешься, подпрыгиваешь на пружинящих ногах, ноги сами разведутся, а руки найдут, где оттолкнуться, и не заметишь, как перепрыгнешь. При приземлении спина выгнута, руки вверх. Запомни: беги к коню не думая.

Но Витя, побежав к коню, как назло, прикидывал, сможет он перепрыгнуть или нет, и перед снарядом встал как вкопанный, ноги не оттолкнулись, а сердце испуганно заколотилось. Так повторялось из раза в раз.

— Еще один на отчисление, — крикнул Максим и ехидно ухмыльнулся.

Витя был сам не свой.

После занятий тренер его оставил.

— Витя, самая большая твоя ошибка в том, что ты стал думать, как перепрыгнуть. А конь этого не любит, потому и не дается. Попробуй оседлать его. Заберись, посиди, попривыкни, поползай по нему. И когда сроднишься с ним, то выходи на старт.

В тот день Витя около получаса часа сидел верхом на коне, называл Сивкой-Буркой, нахваливал и просил покориться.

Потом вышел на исходную позицию, побежал, уже уверенный, что конь не подведет, и... легко перепрыгнул — все оказалось так просто!

Потом покорились брусья, кольца... Сколько Виктор падал, знает только Господь Бог. Часто ночью просыпался, промахиваясь и падая даже во сне. Но снова приходил в зал. Наверное, это судьба. А еще — так хотелось стать чемпионом! И чтобы в честь его победы звучал гимн страны и поднимался флаг!

Если в спорте он уже все строго и точно определил, то первая любовь пришла внезапно. Это была Аня. Тоже гимнастка. Тоненькая, с широким лицом в веснушках, с носом картошкой. И с большими синими глазами. Когда она улыбалась, то глаза ее сияли, словно гладь озера.

В переулке за углом школы был пруд. Они любили, держась за руки, ходить туда и смотреть на уток. Пруд был небесно-синий, окутанный зарослями камыша, бездонный, как Анины глаза. Между синью пруда и облаков о чем-то шептались на ветру стройные березки и, словно ярким ситцем, окутывали округу.

Было воскресенье, двадцать второе июня. В то лето у их любимой утки на пруду появилось потомство. Маленькие, пушистые и смешные утята переваливались, неуклюже перебирая лапками, и без конца падали. Утка не успевала за всеми. Устало покрикивая на детишек, поднимала клюв. Ее тревожное кряканье кромсало тишину. Но утята, словно не слыша мать, норовили везде сунуть свои клювы.

Один заглотнул одуванчик и со страху бросился наутек, другой застыл перед озером, рассматривая собственное отражение. Утка зашла в воду и, перебирая лапками, поплыла, а за ней, толкаясь и суетясь, бултыхнулись несколько утят...

Потом около беседки Витя с Аней ели мороженое и смеялись.

— Меня берут в сборную Союза, запасным, — похвастался Виктор.

— Здорово! А у меня сегодня не шли обороты и перемахи, представляешь? Так знаешь, что тренер сказал? Хочешь быть гимнасткой — умей вертеться.

Оба звонко засмеялись. Весь мир для них был прекрасен, и казалось, что так будет всегда!

У выхода из парка вокруг динамика собралась толпа. Лица озабоченные.

— Будет правительственное сообщение, — с тревогой в голосе сказала полная женщина, прижимая к груди ведро. Витя с Аней тоже решили послушать. И тут из динамика ударил набатом громкий металлический голос:

— Сегодня... без объявления войны... германские войска...

Женщины заголосили.

Не осознав всей серьезности события, Виктор выпалил с досадой:

— Эх, п-поездка на ч-чемпионат мира сорвалась.

Аня, посмотрев на него, покрутила пальцем у виска.

Виктор спохватился: «Не то ляпнул».

Через неделю он стоял на вокзале. Рядом — мать и Аня. Отец с братом уже были на фронте. Мать растерянная, с растрепанными волосами и красными от слез глазами, шепотом повторяла:

— Сыночек, возвращайся живой...

— Мама, не п-пройдет и месяца, ф-фашистов вышибем, и п-приду домой, — отвечал новобранец Чикарин.

Тогда все думали, что война ненадолго.

— Я тебя ждать буду, — сквозь слезы шептала Аня.

С родными Виктор держался, но едва эшелон тронулся, сам не заметил, как по лицу потекли слезы.

Он стал рядовым 1044-го полка 289-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

Несмотря на продвижение немцев, настроение у бойцов было бодрым, все были уверены, что вот-вот погонят фашистов со своей земли. Поэтому даже на фронте Виктор не забывал о тренировках и в минуты затишья качал пресс, делал махи, отжимания и другие нехитрые упражнения для поддержания физической подготовки. Его так и прозвали во взводе — Гимнаст. На прозвище Виктор не обижался. В детстве вообще его дразнили Задохликом и припедали: «Витя, Витя — королек, мама тити не дает». А в школе сначала звали Каланчой, а затем Гимнастуком. Так что эта кличка была еще получше предыдущих.

Во взводе попались веселые ребята. Без смеха и шутки не проходило и часа. Вечерами по очереди травили анекдоты. Виктор их

не запоминал, но вчера удачно ввернул тот, что вспомнился, и все от души хохотали.

— Приходит к доктору гимнаст и говорит: «Когда делаю стойку вверх ногами, то в голову сразу приливает кровь, а встаю на ноги — притока нет». Доктор ему в ответ: «Все объяснимо: в ногах у вас нет пустоты!».

Но вскоре стало не до анекдотов.

В сентябре сорок первого под Полтавой их рота, засевшая на высоте, попала в окружение. С высоты просматривалось вся округа, и до позиций немцев было рукой подать.

Каждый вечер внизу у немцев раздавался оживленный стук ложек по котелкам. От запаха мяса и каши у солдат на высоте сводило желудок: сухие пайки давно кончились. После ужина снизу уже доносились сытые звуки немецкой гармоник и смех.

Высота была стратегической, и немцы бросили для ее захвата крупные силы. Ряды защитников редели, но высоту бойцы держали. Тогда немцы решили поступить проще: подтянули артиллерию и обрушили на окруженных смерч огня и металла. Земля вздрогнула и зашевелилась, вздымаясь от взрывов. У Виктора почти над ухом раздался свист, и ухнувший взрыв взметнул вал земли с бруствера окопа. Пронзительный крик щуплого белобрысого ефрейтора со смешной фамилией Босота смешался с грохотом и дождем осколков. В глазах вспыхнули разноцветные круги, и вспышка боли помутила сознание. Очнулся Виктор от резкого удара, открыл глаза и увидел кованый немецкий ботинок. Он получил еще пару ударов, гулко отозвавшихся в голове, и затем слух оглушила немецкая речь. Десяток оставшихся в живых советских солдат повели под конвоем в сельский клуб. Там уже скопилось много пленных, присесть было негде, даже спали стоя.

Так он попал в плен. Первый лагерь запомнился отчетливо. Немцы, собаки с вывалившимися красными языками. Колючая проволока. Наши бойцы, лежавшие на сырой земле. Смерть косила не разбирая. Умирали от ран, голода и тифа. Умерших сами пленные складывали в штабеля и затем грузили на машины. Кормили немцы вонючей жижей со щепоткой горелых зерен. Раз после раздачи пищи к нему подсел щуплый пленный и, воровато озираясь, предложил за похлебку кусок копченой конины. Но сидевший рядом кряжистый мужчина прогнал того.

— Не конина это, а мясо, срезанное с трупов, — сказал он, трясая головой при каждом слове.

— Контузия у меня, — объяснил мужчина.

Звали его Егор. Ел он, смачно чавкая, размешивая в жестяной миске похлебку большими, толстыми, корявыми пальцами с ввевшейся в ногти грязью.

— Выжить тут можно, даже нужно. Мы еще нашим пригодимся. За все гниды ответят.

— Надо бежать, — чуть слышно прошептал Виктор.

— Всему свое время. Сперва надо осмотреться.

Виктор машинально огляделся. Лагерь окружала ограда из бревен с натянутой между ними колючей проволокой и караульные

вышки. И днем, и ночью слышались бдительные шаги патруля и лай овчарок.

Одним туманным утром они с Егором решили бежать. Вы считали время смены караула. Все должно было получиться. Уже пролезли через проволоку, но удача отвернулась: приехала, как назло, машина с фуражом. Прожектор, проснувшись, осветил автомобиль, а заодно их, уже перелезших через колючую проволоку. Заметили! Напоминанием на всю жизнь остался шрам от приклада автомата, который вогнал ему в грудь охранник. Хорошо, что не расстреляли на месте.

Потом их с Егором разбросали по разным лагерям. Прощаясь, они по-братски обнялись...

Лагеря менялись один за другим. И в каждом немецкая тюремная система исправно высасывала из Виктора жизнь, вцепившись мертвой хваткой в его тело — беззащитное рабочее орудие.

Порой все казалось ожившим сценарием скверного кинофильма, на съемки которого он случайно попал. Казалось, вот-вот выйдет откуда-то режиссер и скажет: «Ну вот и отснят последний кадр. Благодарю всех за участие». И все окажется игрой воображения, а он вернется домой.

Однако мучительный сценарий был реальностью и претворялся в жизнь бесконечной вереницей смертей.

Мысли о побеге не покидали Виктора. Уже был готов план, когда неожиданно его снова перевели в другой лагерь. Это оказался Бухенвальд.

Лагерь встретил колонну новичков коваными буквами над металлическими воротами: «Jedem das Seine».

— Что там написано? — спросил шедший рядом Ашот из Еревана.

— «Каждому свое» там написано, — перевел Виктор.

— Что это значит? — эхом раздался хриплый голос за спиной.

— Это нацистский принцип справедливости: они — высшая раса, а низшие народы подлежат уничтожению в концлагерях, — ответил Виктор, не оборачиваясь, чтобы не получить удар прикладом автомата.

— Добро пожаловать в ад! — крикнул на ломаном русском языке стоящий у ворот охранник и загоготал.

Виктор вздрогнул.

За воротами всех выстроили на мощенной булыжником площади с возвышавшейся поодаль виселицей. Неподалеку уныло темнели одноэтажные деревянные грязно-зеленые бараки. Вдали черными крышами поблескивали кирпичные здания.

— Казармы для охраны, — тихо сказал кто-то.

За ними высилось здание с дымившей трубой. «Наверное, крематорий», — предположил Виктор. Лужа под ногами отражала съездившееся и совсем чужое лицо. Он уныло улыбнулся, и лицо в воде тоже скривилось в улыбке.

Толстый коротышка-офицер обошел строй. Весь его облик был чужим и угрожающим. Остановившись, он резко прокричал по-немецки. Аккуратный и ловкий переводчик громко сказал:

— Вы прибыли в Бухенвальд. Сразу предупреждаю: тут строгий порядок. Имейте в виду: за все время существования из лагеря не было совершено ни одного побега.

Коротышка закутил головой, глаза у него были красные, как у кролика-альбиноса.

Виктор глянул на небо. Оно было угрюмым и серым, как сама неволя.

Вновь прибывшие прошли санитарную обработку в бассейне с карболкой, затем каждому выдали номер. Теперь они стали не людьми, а просто номерами. Виктор стал номером 10491. Всем сунули робы, синие, изрядно поношенные.

— С умерших заключенных, видимо, сняли. Экономят, — брезгливо заметил высокий мужчина, близоруко щурясь.

Затем выдали деревянные выдолбленные колодки, надев которые Виктор понял, что далеко в такой обуви не убежишь. Поместили в десятый барак. Прямоугольное здание площадью сорок на пятьдесят метров. Грязно-желтая стена. Большой проход, по обеим сторонам в четыре яруса полати из необструганных досок.

— Похоже, бывшая конюшня, — оглядевшись, хмыкнул рябой мужчина и добавил: — Я деревенский, знаю.

— Верно. Это бывший конезавод, а теперь мы вместо лошадей тут пашем, — прошамкал изможденный беззубый доходяга, похожий на цыгана.

— Как кормят?

— Получше, чем в других лагерях. Только работаем по двенадцать часов в сутки, и СС лютует.

Слова цыгана подтвердились. Кормили лучше, давали мутную жидкую баланду и полтора грамма эрзац-хлеба — пополам с опилками. Но и контроль над военнопленными был хорошо организован. Два ряда колючей проволоки под током. Многочисленная охрана. Три раза в день номерная переключка. И лютовали немцы всласть. В кураже могли забить плетками или растерзать овчарками.

Вечером после пьянки с хохотом и трелями губной гармоникой вламывались в барак, высвечивая фонариками жертв, и в порыве куража пускали автоматные очереди. Убитых после таких гулянок уносили десятками. Работали, как и сказал цыган, по двенадцать часов в сутки в каменоломнях и на подземном заводе по производству немецких ракет «Фау-2».

Прошел месяц, за ним второй, третий... Все дни были одинаково серые и мрачные.

Виктор порой удивлялся, что ему еще бывает холодно или жарко, что он может хотеть есть или пить, что в его теле вообще есть жизнь, хотя его окружали живые трупы с такими же, как у него, потухшими глазами.

На каждой переключке лагерное начальство вдалбливало, что Москва уже пала и немецкие войска ведут успешные бои, завоевывая Сибирь. То же самое передавалось по лагерной радиосети. Верить в это не хотелось.

Только мысли о побеге поддерживали его силы. Рядом с лагерем был густой лес, в нем можно было затеряться. На это и был расчет.

И даже в таких условиях Виктор продолжал свои физические упражнения: разминал мышцы рук, ног, шеи, чтобы не утрачивались гимнастические навыки. И здесь его тоже звали Гимнастом.

Неожиданная информация пришла из спецбарака. Там услышали сообщение немецкого радио о том, что наши войска вышли к Кенигсбергу! Это больше походило на правду: английские бомбардировщики все чаще стаями проплывали по небу в сторону Берлина. Шел март сорок пятого года.

Виктор уже был готов к побегу, но удача опять отвернулась. После переключки около сотни пленных перевели в другой лагерь, рядом с побережьем Северного моря. Лагерь окружали вышки с пулеметами. Что это означало, никто не понимал. Уже была слышна канонада орудий, значит, фронт близко. Но скоро все разъяснилось. Однажды утром после переключки всех вывели под усиленным конвоем из лагеря. Шли долго. Наконец, преодолев большой пригорок, увидели вдруг раскинувшееся перед ними Северное море. У берега чернела сухогрузная баржа с буксиром.

— Топить будут! — волной прокатилось по колонне.

— Молчать! — закричали конвоиры по-немецки.

В это время вид баржи — их затаившейся смерти — затмил самую синь моря. Моря словно никто и не увидел. Бывает такое.

— Глянь вверх, — раздался голос рядом.

Виктор поднял голову. В небе летела, быстро взмахивая небольшими крыльями, белая птица. Ее голова была неестественно опущена вниз, словно птица хотела предупредить о чем-то.

— Гагара, — пояснил кто-то за спиной.

— Свободные создания. Почему мы не птицы? — послышался шепот слева.

Вдали появилась черная точка, которая, стремительно разрастаясь, превратилась в сокола. Приблизившись к жертве, сокол взмыл ввысь и упал камнем. Все замерли. Мгновение, и, издав истошный крик, гагара уже трепыхалась в когтях хищника. Расправивший крылья сокол напоминал немецкую свастику.

— Свободе капут. И тут фашистский орел нашел жертву, — шептал с сожалением тот же голос.

Неожиданно за спиной Виктора раздался отчаянный крик:

— Врешь, не возьмешь! Помирать, так с музыкой!

Несколько пленных побежали на охрану. Немцы вскинули автоматы и уложили их шальными очередями, не жалея патронов. Остальные замерли: хотелось еще пожить, хоть несколько дней... Дальше колонна двинулась в гробовом молчании, нарушаемом лишь беспечными разговорами конвоиров. Худые, изможденные пленные напоминали серые тени, бредущие в преисподнюю.

Как оказалось вблизи, баржа была старая, поржавевшая, с облупленной краской. Палуба прогибалась под ногами, скрежеща кровельно-железным настилом. Пленные, пройдя сквозь строй охраны, пропадали в люке. Настал черед Виктора. Деревянная скрипучая лестница уткнулась в дощатый пол. Он огляделся. Рядом почернев-

ший борт. Высота трюма — около пяти метров. Пахло сыростью и плесенью. Напряженные приглушенные голоса. Лязгнули люковые крышки, и все поглотила темнота, будто попал в могилу. Загремела палуба. Отчетливо стучали в висках подковы сапог торопливо уходящих немецких солдат. Баржа вздрогнула, корпус ее устало заскрипел, и посудина с недовольным скрежетом двинулась.

Все растерянно молчали, затем раздались испуганные крики:

— Взорвут! Утопят!

Плач, ругательства и вопли слились в единую предсмертную исповедь. Пленные стали метаться, в темноте натыкаясь друг на друга, падали, снова вставали. Кто-то ползал на четвереньках. Однако баржа продолжала плыть, и ничего не происходило. Люди стали успокаиваться.

— Видимо, в другой лагерь везут! — раздались радостные возгласы.

Постепенно глаза привыкли к темноте и стали различать контуры людей. В корпусе баржи было много зияющих пробоин, из которых проникал свет. Все было не так уж плохо. В корме нашли дыру в четыре дюйма. Из нее можно было видеть море. Стали выстраиваться в очередь — «посмотреть на море». Дошла очередь и до Виктора, и тогда он впервые по-настоящему увидел море. Сначала невольно зажмурил отвыкшие от света глаза. А когда открыл, и они привыкли к ярким краскам, море было спокойным и ласковым. В его сине-зеленых просторах беззаботно играли солнечные блики. Похожие на зайчиков из его детства, когда они прыгали по стенам его комнаты.

— Время вышло! — осторожно засипел за спиной тихий голос. — Людей много в очереди!

Виктор сошел с лестницы, оглядел сидящую очередь «к морю» и уступил свое место другому. Его сразу окружили.

— Рассказывай скорее! Не молчи! — звучали тихие, но настойчивые голоса.

— Красиво!

— Знамо, — пропел кто-то.

Он отошел в сторону и сел.

Сколько времени прошло, никто не знал. Неожиданно донесся взрыв, и баржа подпрыгнула, охнув стальным днищем. Раздалась пулеметная очередь, затем ухнул новый взрыв. Все посыпались на пол. Гулко и тревожно застучало сердце. Из щелей в корпусе стал просачиваться запах гари.

— Похоже, взорвался буксир. Вон английский бомбардировщик, — сообщил смотревший в пробоину.

— Ура! — понеслись волнами возгласы.

Баржа раскачивалась на воде. Стало понятно, что буксир затонул, самолет улетел. И что дальше? Скоро освободят?

Шло время, но ничего не происходило. День сменился ночью. Голод и жажда стали невыносимыми. У некоторых помутился рассудок, слышался бред, вызванный галлюцинациями. Вокруг Виктора ползали обессиленные люди. В трюме нарастал смрад от испражнений.

И тут началась буря. Баржа вздыбилась, стала подлетать и с уханьем опускаться на волны. От таких перепадов все внутренности едва не выскакивали наружу. Казалось, еще мгновение — и судно опрокинется. Снова началась паника. Однако уверенный громкий голос всех успокоил:

— В барже есть воздушные резервуары вдоль бортов, они не дадут перевернуться. Это вам боцман говорит.

Но случилась другая беда — старая баржа не смогла долго выдерживать удары волн. В средней части корпуса раздался скрежет обшивка лопнула, и через большую трещину хлынула вода. Сняв с себя робы, пленники заткнули пробойну. Надолго ли?

Опять потянулись часы ожидания. В таком состоянии пленники, услышав шум приближающегося корабля, приняли его за очередную галлюцинацию. И лишь тогда поверили в реальность, когда услышали топот на палубе и из открывающегося люка послышалась английская речь.

Ошалевшие узники обнимались и целовались, подпрыгивали, как дети. Это была радость спасенных, воскресших людей.

А когда они узнали, что подписан пакт о безоговорочной капитуляции Германии, многие, не стесняясь, плакали. Вот так и сидело на земле с полсотни всхлипывающих мужчин, не стыдящихся своих слез. А в голове у Виктора билась фраза: «Отольются вам наши слезы».

И вот он уже в эшелоне, и, свесив ноги из теплушки, охмелевший от спирта, горланит песни. Эшелон ехал сутки без остановок и вдруг застрял на маленькой станции. Все вокруг было забито железнодорожными составами и людьми. Вечером на израненном взрывами перроне зазвучали песни и начались танцы под аккордеон.

Тогда он впервые услышал эту песню:

*А когда не станет горя и в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.
Вспомню я пехоту и родную роту,
И тебя — за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!*

Хмельной Виктор настолько проникся словами песни, что даже потянулся к участливо предложенной папиросе. Но тут же спохватился: «Гимнасту курить нельзя и пить хватит. Двое так наакались, что ночью, как бревна, из вагона вывалились».

Вот и знакомое здание вокзала. В поношенном, не со своего плеча пиджаке, коротких сатиновых брюках, тощий, мертвецки белый, с котомкой в руке он стоял, озираясь, на перроне. Родной город встретил жарким июньским солнцем. Но не успел он снять ветхий пиджак, как небо стремительно потемнело. Раздались, как выстрелы, залпы грома, от которых Виктор инстинктивно съежился, но тут же вспомнил, что война закончилась. Застучал дождь. Весь промокший,

он спрятался под козырек дома. Кинжальный треск молний и раскаты грома заполнили все вокруг. Но грозы хватило лишь на десять минут. Небо прояснилось, и выглянуло солнце.

Ноги вели Виктора к родному дому, но не позволяли бежать. Только он убыстрял шаг, они, обессиленные пленом, подкашивались. Приходилось останавливаться, делая вид, что он просто не спешит. Хотя мысленно уже открывал дверь дома и видел отца, мать, брата. По дороге его не покидало ощущение, будто он попал в чужой город, настолько все вокруг изменилось. Дома мрачно зияли провалами пустот и полуразрушенных стен. Палисадники заросли бурьяном. На месте клуба — пепелище. Земля изрыта воронками от снарядов. Пруд, у которого они с Аней засматривались на уток, почернел, и от окружавших его березок остались торчащие полуобгоревшие безжизненные стволы.

Подойдя к своей улице, Виктор притормозил — страшился увидеть вместо дома развалины. Постоял и решительно пошел навстречу неизвестности. Как же он обрадовался, увидев, что его дом остался цел. Та же красная дверь с облупившейся краской. Поднял руку, чтобы постучать — для торжественности. Но вспомнил, что мать глуховата, все равно не услышит, да и дверь у них никогда не закрывалась на замок. Все в округе друг друга знали. Дверь и сейчас не была заперта. Прошел в коридор и, как в детстве, ударился лбом о висящий на стене таз. «Забыл», — улыбнулся он.

Мать стояла у стола спиной к двери.

— Мама, вот я и вернулся, — сказал Виктор.

Она обернулась. Постаревшая, серая, высохшая мать испуганно смотрела на него запавшими от слез глазами. Перед ней стоял страшный, изможденный, обтянутый кожей скелет с глазами старика. Совсем не похожий на ее сына. Но это был сын, материнское сердце не обманешь.

Виктор по взгляду матери понял, что она его не узнала. Но подошла и обняла.

— Пришла похоронка, что ты под Полтавой в сорок первом погиб. А я сердцем чувствовала, что живой. Так всем и говорила. Вот и шрам, — она погладила сына по макушке и нащупала рубец, оставшийся с тех пор, как ребенком он упал со скирды.

— Мама, а как отец?

Она только крепче его обняла и прижалась к плечу:

— Погиб в сорок втором.

— А брат?

— В сорок третьем.

— Бедная. Как ты выдержала?

Мать молчала.

— А Аня?

— В сорок третьем. Похоронка ее родителям пришла.

Виктор посмотрел в окно. Небо было синим-синим, словно бездонное озеро с рассыпанными по нему белыми перьями облаков...

Когда-то в этом доме было полно народа. Собирались на праздники, пели вместе за столом: «За околицей солнце клонится, от березоньки веет грусть». Теперь тут тихо и пусто. Лишь в зеркале отражаются две обнявшиеся тени.

В тумбочке так и лежали, ожидая его, словно веря в его возвращение, аккуратно сложенные спортивные трико и майки. И от этого на душе у Виктора потеплело.

Вечером он долго стоял у окна. Внизу во дворе раздувалась на ветру одежда, развешанная на веревках. За темнеющими тополями виднелись очертания обнимающейся на скамейке парочки. И от самой скамейки убегала улица к тому пруду, у которого он когда-то гулял с Аней. Тень возвышающейся рядом котельной упала на окно и накрыла пол.

Когда совсем стемнело, Виктор прилег. Впервые за последние четыре года он лег на матрац, застеленный белой простыней. Сначала было не заснуть от непривычно мягкой постели, но вскоре сон увлек его в свои края.

Засыпая, он думал: «Теперь начнется безмятежная, мирная, гражданская жизнь».

Мирная жизнь действительно началась, но вовсе не безмятежная.

Полумрак. Обшарпанные стены. Глазницы серых окон, забранных металлическими решетками. Между стеклами с обреченной неистовостью билась муха. С ободранной стены напротив осуждающе смотрел потрет Сталина. Стул грибом, на одной ножке. Угрюмые папки дел на облезлом металлическом столе. За столом сидит грузный мужчина в темно-синей гимнастерке с двумя красными петлицами. Глаза мутные.

— Признавайся, что сам сдался в плен, немецкий прихвостень! — заорал следователь.

На Виктора пахло перегаром, и этот запах обдавал его при каждом выдохе следователя.

Опешив, он сказал, что в сорок первом весь полк накрыло на высоте артиллерийским огнем немцев, что он был ранен и потерял сознание, очнулся — рядом фрицы.

— Все проверим! — кричал офицер. — Тебе повезет, если так и было. А если врешь, то ты — враг народа!

От крика тревожно закачалась на голом шнуре одинокая мутная лампочка.

В камере было десять человек. Все — побывавшие в плену у немцев. Там умирали за колючей проволокой, здесь оказались за решеткой. Было горько и невыносимо больно от несправедливости, унижения и незаслуженного обвинения.

— Все равно в своей тюрьме сидеть лучше, чем в немецком лагере, — раздался хриплый голос.

— Сидеть везде хреново, — эхом ответил кто-то.

Каждый день Виктора по несколько раз водили на допрос. Допрашивали разные люди. Каждый из них кричал:

— Признавайся, что сам сдался в плен, враг народа!

Правда, били вяло, будто по привычке. Как Виктор понимал, ждали ответа на запрос. Других заволакивали в камеру окровавленными, в бессознательном состоянии.

Прошло время, и допросы прекратились. Выдали паспорт.

— Начну снова заниматься гимнастикой, — поделился он своими планами с матерью.

Мать с сомнением посмотрела на него:

— Одна кожа да кости. Когда еще мясо-то нарастет. Погодь пока. А может, найти занятие поспокойнее?

Тренер долго смотрел на Виктора, потрогал его мышцы и покачал головой.

— Чтобы восстановить здоровье, тебе понадобятся годы, если вообще это возможно. А ты хочешь вернуться в гимнастику, — качал головой тренер, не глядя Виктору глаза.

— В плену я каждый день разминал мышцы, — с надеждой шептал парень.

В тот день он впервые увидел, насколько тренер сдал за годы войны.

В гимнастике говорят, что тренеры бывают разные: «работяги» и «сачки», «перестраховщики» и «кочегары», «в законе» и «дипломаты», «практики» и «теоретики», «пофигисты» и «одержимые».

Виктору повезло. Стас Григорьевич был одержимым, он стал ему не только тренером, но и отцом-учителем на жизненном пути. Почему-то при виде тренера Виктор вспомнил Егора — первого, с кем он познакомился в плену. Внешне они с тренером не были похожи, но их объединяли понимание других и внутренняя уверенность в себе. «Где сейчас Егор? Жив ли? Наверное, никогда не узнаю», — думал Виктор.

И он вернулся в спортивный зал. Но не смог даже подтянуться на перекладине. Один раз мучительно отжался и, обессилев, потерял сознание. До скамьи пришлось ползти. Но на следующий день он снова пришел на тренировку и начал с простых упражнений для разминки тела: наклонов, поворотов, приседаний, вращения. И так день за днем, упорно и методично. После каждой тренировки Виктор долго лежал изнуренный, но на следующий день упрямо возвращался в спортивный зал.

Когда первый раз тренер принес ему кусок сала и ломоть хлеба, Виктор наотрез отказался брать. Но Стас Григорьевич спокойно и настойчиво сказал:

— Организм надо восстанавливать питанием. Я все равно это не съедаю. Бери, а то перестану тренировать.

Он смотрел на Виктора отцовскими глазами, и Виктор взял сало и хлеб. А что оставалось делать? Спустя годы он узнал, что тренер отдавал ему свою еду, а сам голодал.

Но тогда у Виктора все мысли были о гимнастике и о том, чтобы вернуть былую форму. Бег по кругу. Прыжки со скакалкой. Гимнастическая стенка. Гантели. Отжимания от пола. Штанга. Брусья. Нескончаемые отмахи прямым телом в стойку. И так из ночи в ночь в холодном зале. А утром на работу, затем на учебу в институт физкультуры.

Через год, ощупывая руки и ноги, он чувствовал уже не дряблое мясо, а тугие мускулы. Стала заметно толще спина, шире плечи.

— В нашем деле главное — выучка, — говорил Виктору тренер. — Можно обладать шикарными данными, но не уметь правильно поднять ногу или, что еще хуже, приучиться неправильно делать это.

С выучкой связано совершенство исполнения любых упражнений, о ней свидетельствует даже обычная походка. Как раз выучке научиться можно.

И Виктор отшлифовывал каждый, даже самый простой элемент. Просто стойка или угол на брусьях, но он учился делать все идеально. Если угол, то четко прямой, а не девяносто семь и не восемьдесят два градуса.

И вот он вошел в сборную страны: и дебютант, и ветеран одновременно. Молодежь, кто искося, а кто с восхищением посматривала на него, а Виктор от растерянности держался в стороне от всех.

Но однажды он не выдержал и вмешался в разговор. Дело было после тренировки. Самый молодой спортсмен, Олег Тихомиров, назидательно сказал гимнастке:

— Среди нас, гимнастов, есть изречение: гимнасты — это люди, всю жизнь находящиеся то на махе спереди, то на махе сзади.

Виктор остановился и уточнил:

— А среди наших гимнастов есть иное изречение: гимнаст — это не только акробат, но одновременно и музыкант, и дирижер, и художник. А великий философ Платон сказал, что боги подарили людям два вида искусств: музыку и гимнастику.

И тогда впервые за долгие годы все увидели, как Виктор улыбается, что с ним теперь бывало крайне редко. Улыбка была такая добрая, искренняя и красивая, что все в ответ невольно тоже улыбнулись. Словно смутившись, Виктор опустил голову и быстро ушел.

Алексей, старший из гимнастов, оглядев сборную, назидательно заметил:

— Учитесь, салаги. Чикалин — это гимнаст с головы до пят и спортсмен от Бога!

И вот 1952 год, Олимпийские игры. Зрители, корреспонденты, судьи, спортсмены из других стран оценивающе смотрят на сборную СССР.

А наши гимнасты выбывают из борьбы один за другим! Михаил срывается с перекладины, Валентин засыпается на брусьях. Японец Тадао в упражнении на брусьях получает оценку девять целых семьдесят пять сотых балла. Газеты уже пестрят статьями о том, что победа достанется японцу и никому другому. Единственным, кто может превзойти конкурента, остается Виктор Чикалин. Но ему нужно будет получить оценку не ниже девяти целых пятидесяти пяти сотых балла в последнем упражнении. Балл не запредельный, но остаются вольные упражнения, а это была ахиллесова пята Виктора. Его преимущество было на брусьях, на коне, но в вольных упражнениях он проигрывал в артистизме — давали себя знать годы плена.

Виктор выходит на помост последним. Скамейка кажется узкой, твердой и раздражающей. Узкая майка неприятно стягивает грудь. Тапочки сжимают ступни. Он весь покрывается потом и даже чувствует его запах. Зал отталкивающе гудит, улюлюкает, брюзжит. Виктор встает, расправляет плечи и снова садится.

Из динамиков стадиона разносится:

— На площадку приглашается Виктор Чикалин, Советский Союз.

Виктор делает вдох-выдох, выпрямляется, и беспокойство уступает место сосредоточенности.

Стадион замирает. Застывают в напряжении спортсмены и судьи. И лишь мигают голубые вспышки блицев. Глухую тишину примолкших трибун нарушают стрекот камер да легкое жужжание ламп. И под прицелом нескольких тысяч взглядов на ковер выходит Виктор. Кажется, все перестают дышать. Он случайно бросает взгляд на японского спортсмена. Японец криво ухмыляется.

Росчерк ноги прорезает наэлектризованный тугой воздух. Прыжок, кувырок и вихрь комбинаций сливаются в симфонию азартной пляски, словно танец откровения на краю скалы. Кажется, воздух, наполненный энергией и ритмом, обжег своим дыханием зрителей, вовлекая в рождение чего-то изумительно прекрасного.

Финальный взмах — и зритель выдыхает. Все взгляды устремляются на табло. Там оценка: девять целых и пятьдесят пять сотых балла! Всегда невозмутимый Виктор, до этого замерший в спортивной стойке, вдруг, изогнувшись, делает шаг-прыжок, за ним другой, третий. Радость, ликование чувствуются в его полетах-шагах, и, не дойдя до ступенек помоста, он бросается в объятия товарищей по команде.

— Мы победили! Мы первые! — кричит он, размахивая снятой майкой. Стоящие рядом спортсмены затихают, глядя на его грудь с глубоким шрамом.

— Это от неудачного побега осталось, — машет рукой Виктор, его лицо сияет, глаза горят.

На следующий день все газеты пестрели заголовками статей с фотографиями Виктора. Цитировали слова японского гимнаста: «У этого спортсмена невозможно выиграть». В других изданиях приводились слова немецкого спортсмена: «Геометрическую точность полета Чикалина можно повторить только с помощью линейки и циркуля».

Москва встретила чемпиона унылым, обшарпанным перроном с несколькими журналистами. Виктор дал интервью и пошел с тренером в железнодорожную кассу. Билеты были только на следующий день, и им ничего не оставалось, как ночевать на вокзале.

— Это даже к лучшему, — шутил Виктор. — Хоть по Москве погуляем, на Красную площадь сходим. Кстати, надо найти почтамт. Позвоню домой матери с женой, они ведь так ждут меня.

И улыбнулся. Второй раз за месяц.

Рассказ основан на реальных событиях.

Виктор Иванович Чукарин — бывший узник немецких концлагерей, гимнаст, чемпион мира, обладатель семи золотых олимпийских медалей. Ушел из спорта в тридцать шесть лет, ни разу не испытыв горечи поражения. Так и остался непобежденным.

Умер в 1984 году.

Его именем названа улица во Львове. И не переименована по сей день.